

Пастухов Николай Иванович

**Очерки и рассказы "Старого
знакомомого" Н.И. Пастухова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Очерки и рассказы "Старого знакомого" Н.И. Пастухова / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 462 с.

ISBN 978-5-521-27341-6

ISBN 978-5-521-27341-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лабзинскій посадъ.

Лабзинскій посадъ находится въ 60-ти верстахъ отъ Бѣлокаменной, на одномъ изъ трактовъ, по которому отправляли, партіями, такъ называемыхъ въ простонародьи, «несчастненькихъ» въ мѣста отдаленныя и не очень отдаленныя. Теперь трактъ этотъ уже замѣнила «чугунка». Съ давнихъ временъ посадъ назывался «Павловскимъ», а въ настоящее время простонародье переименовало его въ «Лабзинскій». Онъ раскинутъ на довольно красивой открытой мѣстности и омывается двумя рѣчками. Высокая, съ обвалившейся штукатуркой, колокольня, съ почернѣвшими отъ времени мѣднымъ крестомъ и куполомъ, наводитъ на туриста какую-то невыносимую грусть, а кривыя, немощеныя улицы и переулки, на которыхъ въ осеннее и весеннее время года можно по поясъ увязнуть въ грязи, съ ихъ деревянными, покачнувшимися на бокъ, допотопной архитектуры, домиками, переносятъ васъ мысленно въ далекое захолустье, до котораго еще не коснулся духъ времени и просвѣщенія. На торговой площади посада бросаются въ глаза посадскіе вѣсы, напоминающіе своей обстановкой римскія висѣлицы; около вѣсовъ пріютился ветхій, съ протнившюю крышей, деревянный сарай подъ кличкою «пожарное депо»; подъ его навѣсомъ находятся убогіе пожарные инструменты, покоющіеся на отжившихъ свой вѣкъ дрогахъ съ колесами безъ спицъ; тутъ же, около сарая, на двухъ колескахъ лежатъ книзу втулками боченки

для воды, похожіе на тѣ бочки, съ которыми, во время блаженной памяти откуповъ, русскіе мужички, пробираясь дремучими лѣсами, ходили въ великорусскіе уѣзды за покупкою корчемнаго вина; желѣзные обручи отъ этихъ боченковъ частію сняты досужими руками посадкихъ гражданъ и пропиты въ кабацѣ какого-нибудь астраханскаго выходца, частію сдвинуты съ мѣстъ и приготовлены въ добычу записныхъ поклонниковъ бахуса. Идя далѣе, вы натываетесь на грязныя лавчонки, торгующія всякою всячиною изъ съѣдобнаго товара: тутъ вы найдете плѣснелый хлѣбъ, сухіе соленые судаки и сельди, покрытыя ржавчиной, къ которымъ, отъ вони, нельзя подойти за двадцать шаговъ, — соленую, покрытую червями, рыбу, ослизые огурцы, нюхательный табакъ и деготь. Продавцы и продавицы всего упомянутого, съ утра до вечера, поносятъ другъ друга цинической бранью, доходящею, зачастую, до потасовокъ, которыя вызываютъ вмѣшательство городскихъ, постоянно блуждающихъ по базару съ осовѣлыми глазами и съ отмѣтками на лицѣ, въ видѣ продолговатыхъ рубцовъ. За лавчонками, на навозѣ, лежащемъ на площади съ незапамятныхъ временъ, когда еще посадъ числился селомъ, валяются приготовленные на продажу кочны канусты, около которыхъ хрюкають свиньи; заглядѣвшійся продавецъ бѣжитъ за ними въ догонку съ криками: «чушь, чушь! Ахъ вы ушастыя, я васъ!» Съ трехъ сторонъ площадь окружена каменными и деревянными зданіями, въ которыхъ помѣщаются грязныя трактиры съ вывѣсками: «Ресторрація», «Бѣлая харчевня» и, наконецъ, «Ренсковый погребъ Астраханцева», украшенный изображеніемъ двухъ мужиковъ и бабы, съ надписью: «Дешево, сердито и весело!» Между трактирами выдается окрашенный желтою краской домикъ, въ которомъ помѣщается мѣстное судилище; у подъѣзда его стоятъ мужички и, въ ожиданіи рѣшенія дѣлъ своихъ, почесываютъ затылки. На крыльцѣ то и дѣло показывается какая-то личность, выкликающая изъ толпы просителей и отвѣтчиковъ.

— Яковъ Данилычъ и его фабрики сторожъ! кричить глашатый.

— Якова Даниловича нѣтъ, отвѣчаетъ сторожъ и идетъ робкими шагами въ верхъ по лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ сторожъ этотъ снова появляется на улицѣ и говоритъ ожидающимъ его собратьямъ:

— Ну, братцы, космы мои не даромъ пропали: Якова Данилыча на четыре дня подъ арестъ упрятали,—пойдемте на радости выпьемъ!

Толпа удаляется, на мѣсто ея является другая—и судъ продолжается съ тою же обстановкою. Начинаетъ моросить дождь, мужички жмутся къ забору, а нѣкоторые скрываются въ двери подъ вывѣску сосѣдней «Рестовраціи».

— Какой у васъ лучше трактиръ? спрашиваю я.

— А вотъ на той сторонѣ—Богдановскій, отвѣчаютъ они мнѣ, и я пошелъ туда.

Дорогой мнѣ встрѣтился какой-то полицейскій чиновникъ, маленькаго роста, въ сѣромъ пальто съ овчиннымъ воротникомъ, источеннымъ молюю. Это былъ становой приставъ.

— Здравствуйте, Николай Алексѣевичъ! кричали ему изъ лавокъ купцы.

— Приставъ останавливался и отвѣшивалъ имъ поклоны.

— Горлышко промочить не угодно-ли-съ?

— Некогда, друзья мои, некогда! отвѣчалъ становой и шелъ дальше.

— Куда это онъ торопится, Сидоръ Дементычъ? вопрошалъ одинъ торгошъ другаго, смотря въ слѣдъ становому.

— Въ стуюлку къ кому-нибудь играть.... отвѣчалъ тотъ.

Въ Богдановскомъ трактирѣ, за столами, покрытыми грязными салфетками, сидѣло нѣсколько кружковъ посѣтителей. Я вошелъ въ отдѣльную комнату и сѣлъ у окна; рядомъ со мною, за другимъ столомъ, расположились: хозяинъ трактира и два мѣстныхъ зажиточныхъ обывателя; одинъ изъ нихъ былъ атлетическаго тѣлосложенія, другой—черненькій, щедущій, высохшій какъ соломенка; тутъ же, въ комнатѣ,

висѣла ихъ верхняя одежда—ватное и овчинное пальто, на которыхъ моля положила свои глубокіе слѣды; они пили чай.

— Не здѣшніе, должно-быть? обратился ко мнѣ съ вопросомъ мизерный человѣчекъ.

— Нѣтъ, я изъ Москвы пріѣхалъ.

— А по какимъ дѣламъ? спросилъ трактирщикъ.

— На рыбную ловлю,—поохотиться съ удочками въ вашихъ водахъ, отвѣтилъ я.

— Ничего, можно,—рыбы у насъ въ Клязьмѣ много, хватитъ на всѣхъ. А гдѣ остановились?

— Въ гостиницѣ, близъ станціи желѣзной дороги.

— У Козлова значить, проговорилъ щедушный человѣкъ.— Ужъ и спица же этотъ Козловъ, прибавилъ онъ, — ловко обираетъ вашего брата-охотника!

— Какъ обираетъ?

— Да такъ, по два рубля за номеръ въ сутки беретъ! добавилъ трактирщикъ.

— Что-жъ дѣлать? И три отдашь,—не въ полѣ же ночевать, сказалъ я.

— Къ намъ милости просимъ; вотъ въ этой комнаткѣ можно расположиться, ласковымъ голосомъ протянулъ трактирщикъ.

— Въ другой разъ, а теперь я тамъ пріютился. Да что, господа, на кого я въ посадѣ ни взгляну, у всѣхъ верхняя одежда молю перепорчена? сказалъ я.

— На комъ же это? возразилъ трактирщикъ.

— Встрѣтился мнѣ на улицѣ вашъ становой приставъ, у него моля воротникъ подѣла; теперь гляжу вотъ на эти два пальто, которые вонъ, на стѣнѣ, висятъ, они тоже молю перепорчены, — эпидемія, что-ли, у васъ такая?

Всѣ захохотали.—Немудрено: около рѣчки живемъ,—моли много... Шутникъ же вы, господинъ! брякнулъ трактирщикъ.

«На струнахъ лабзинскихъ восхваляю васъ, мудрости велия научу благодѣтелей», послышался за стѣнкой комнатки, гдѣ сидѣлъ я, чей-то распѣвавшій голосъ.

— Это кто распѣваетъ? спросилъ я у возсѣдавшихъ.

— Юродивый Архинушка, отвѣтили мнѣ.

— И у васъ они водятся?

— Какъ же, есть.... Они, Божьи люди, знаютъ, что и впередъ будетъ.

— Сколько же у васъ этихъ юродивыхъ бѣгуновъ?

— Будетъ съ насъ....

— Гдѣ же они живутъ—въ богадѣльнѣ, что-ли?

— Жили-бъ и въ богадѣльнѣ, да у насъ ея не имѣется. Въ храминѣ Якова Ивановича они проживаютъ.

— А кто такой этотъ Яковъ Иванычъ?

— Да развѣ вы его не знаете?

— Только въ первый разъ и слышу о немъ.

— Онъ—нашъ фабрикантъ, человѣкъ умнѣющій, старостой церковнымъ служить, церковь на кладбищѣ на свой счетъ строить, въ думѣ первымъ лицомъ находится,—даже самъ голова ему стулъ подаетъ.

— Гдѣ-жъ его фабрика?

— А вонъ тамъ, на берегу рѣки. Сходите, посмотрите — фабрика большущая, любопытно взглянуть, сказалъ трактищикъ.

— Схожу непременно, сказалъ я. — Расплатившись за чай, я вышелъ изъ трактира и отправился на фабрику Якова Ивановича.

Дорогою встрѣтился со мной одинъ старичокъ, несшій на исхудалыхъ плечахъ удочки.

— Куда пробираешься, дѣдушка? спросилъ я у него.

— На Клязьму—судаковъ половить, отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Берутся ли?

— Вчера мы съ дьячкомъ трехъ поймали; не знаю, что сегодня будетъ.

— А налимы идутъ?

— Плохо еще.... Да что, вы — охотникъ, что-ли? вглядываясь въ меня, спросилъ рыбакъ.

— Есть малость; налимовъ половить люблю.

— Не хотите ли сегодня съ нами ночку посидѣть?—поймаемъ. Налимы у насъ водятся—ухъ какіе большущіе!

— Пожалуй, съ удовольствіемъ.

— Такъ пойдемте сейчасъ, — удочекъ и лесокъ у насъ хватитъ, да и пескарей довольно.

— Нѣтъ, теперь мнѣ некогда, — иду на фабрику Якова Ивановича взглянуть.

— Охота вамъ на нее смотрѣть! И вамъ про Якова Ивановича такихъ чудесъ поразкажу, что вы ахнете. Мой сынокъ тамъ живетъ,—все знаетъ, сказалъ старикъ.

— Ты, дѣдушка, теперь ступай на рѣчку, а я приду къ вамъ немного погоды. Вы гдѣ будете ловить?

— У плотины. Приходите,—мы васъ ждать будемъ.

— Приду, сказалъ я ему и отправился своею дорогой.

Фабрика Якова Ивановича Бѣгунова расположена на лѣвомъ берегу широкой рѣчки, изъ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по приказанію фабриканта, мощными руками рабочаго люда, прорытъ былъ рукавъ. Вода изъ рѣчки, идущая по этому рукаву, стекаетъ въ широкую ложбину луга и образуетъ собою такъ называемое мельничное озеро, изъ котораго другая канава проходитъ подъ самую фабрику, около красильни. Пространство, на которомъ расположены фабрика и другія при ней строенія, не менѣе доброй квадратной версты; въ фабричныхъ корпусахъ работаетъ болѣе тысячи человѣкъ изъ окрестныхъ селеній и частію изъ посадскихъ обывателей. Фабричныя постройки отдѣлены отъ хоромъ фабриканта шести-аршиннымъ заборомъ. Широкія ворота, вводящія на дворъ, постоянно бывають заперты наглухо и два дюжихъ сторожа съ дубинками денно и нощно охраняють ихъ. На этомъ дворѣ, между прочими постройками, находится длинный двухъ-этажный деревянный флигель, въ верхнемъ этажѣ котораго кромѣ одной залы, да двухъ боковыхъ чуланчиковъ нѣтъ больше никакихъ апартаментовъ. Посреди

залы стоитъ большой деревянный столъ, уложенный старопечатными книгами; по угламъ залы разставлены старописныя иконы. По одной сторонѣ залы, во всю ея длину, протянуты металлическія струны; отсюда и ходитъ по посаду присказка, гласящая, что де «на струнахъ лабзинскихъ восхваляю тя, благодѣтелю». Въ нижнемъ этажѣ этого флигеля, врытаго глубоко въ землю, имѣется шесть келлій, въ которыхъ обитаетъ юродивая братія, на «струнахъ лабзинскихъ» брядающая и состоящая изъ пожилыхъ тунеядцевъ, точно на убой откормленныхъ Яковомъ Ивановичемъ. Доступъ въ эту храмину имѣютъ только избранные, а посторонняго человѣка не впускать въ нее ни за какіе пряники. Ежемѣсячно 16-го числа въ этомъ флигелѣ совершается всенощное бдѣніе въ память смерти одного изъ самыхъ близкихъ пріятелей фабриканта, именно Василія Ивановича Грязнова, старца зѣло мудраго и многими добродѣтелями украшеннаго. Смолоду Василій Ивановичъ слылъ въ посадѣ за человѣка забубеннаго и, какъ поговариваютъ, якшался съ почными коршунами, наводившими, встарину, страхъ и трепеть на проѣзжавшихъ по большой дорогѣ; но потомъ, когда молодая кровь поугомонилась, Грязновъ законопатилъ себя въ четырехъ стѣнахъ своей хижины, обложился старопечатными книгами и предался великому сокрушенію за свое прошлое молодечество.

Василій Ивановичъ имѣлъ въ посадѣ свой домикъ, торчащій и до сихъ поръ на торговой площади, и жилъ въ мезонинѣ, который въ настоящее время перенесенъ въ садъ лабзинскаго фабриканта Якова Ивановича и теперь представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ бесѣдки. Надъ крышей ея высится бѣлая кирпичная труба, проведенная отъ печки, въ которой Василій Ивановичъ, при жизни своей, варилъ себѣ овсяную кашницу, составлявшую любимую его кушанье.

Поклонники Василія Ивановича называютъ этотъ мезонинъ ковчегомъ. Исторія перенесенія этого ковчега съ торговой посадской площади въ садъ лабзинскаго фабриканта пред-

ставляетъ много любопытнаго. Хижину старца разбирали по ночамъ, тайно отъ посадскихъ обитателей, и по бревну переносили ее въ садъ фабриканта, при чемъ юродивая братія, совершавшая перенесеніе домика, тихо пѣла, ими же сочиненныя, пѣсни, сопровождая ихъ не менѣе таинственною пляской. Жителямъ Лабзинскаго посада, конечно, и во снѣ не снилось о томъ, какое чудо готово совершиться съ домомъ Василя Ивановича, мезонинъ котораго съ каждою ночью терялъ по пѣскольку бревень и кирпичей до тѣхъ поръ, пока отъ него не осталось ни одной досчечки. Юродивая братія, совершавшая перенесеніе Грязновскаго домика, на мѣсто cadaго стараго бревна вставляла новое, и каждый вынутый гвоздь или кирпичъ замѣщала новымъ гвоздемъ и кирпичомъ, такъ что весь мезонинъ, исчезая, обновлялся, и никто изъ непосвященныхъ не зналъ объ этой метаморфозѣ Грязновскаго домика. Въ настоящее время этотъ домикъ, перенесенный, какъ я уже сказалъ, въ тѣнистый садъ фабриканта Якова Ивановича, зимой и лѣтомъ служить для сего послѣдняго мѣстомъ отдохновенія и совѣта.

Неподалеку отъ этой бесѣдки стоятъ другой небольшой, ветхій домикъ, принадлежавшій нѣкогда тому же Василю Ивановичу и потомъ перешедшій во владѣніе другаго посадскаго жителя, Ивана Васильевича Долгова, служившаго на фабрикѣ Якова Ивановича прикащикомъ. Иванъ Васильевичъ, зная, какимъ благоговѣніемъ проникнуть его хозяинъ къ памяти покойнаго Василя Ивановича Грязнова, возжелалъ извлечь изъ этого обстоятельства нѣкую пользу. Однажды онъ приходитъ къ фабриканту и говоритъ:

— Простите меня, Яковъ Ивановичъ, за беспокойство.

— Ничего, говори, что тебѣ нужно, рабъ Иванъ!

— Страшно, Яковъ Ивановичъ,—говорить не могу.

— Говори, я тебѣ приказываю! произнесъ суровый фабрикантъ.

— Вотъ уже нѣсколько дней, Яковъ Ивановичъ,—дрожа

заговорилъ прикащикъ,—въ домѣ моемъ видѣнія разныя представляются.

— Какія такія видѣнія?

И фабрикантъ нахмурилъ брови.

— А вотъ-съ, изволите видѣть: какъ только я проснусь утромъ, да сотворю молитву, такъ и вижу это Василия Ивановича сидящимъ, значить, въ переднемъ углу въ саванѣ.

Яковъ Ивановичъ привсталъ съ кресла и перекрестился.

— Въ сонныхъ же видѣніяхъ, продолжалъ прикащикъ,—онъ мнѣ представляется въ бѣлой одеждѣ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ: «Рабъ Иванъ! скажи рабу Якову, что онъ забылъ меня!» А потомъ сдѣлается шумъ такой и покойный исчезаетъ.

— Давно ли же эти видѣнія стали представляться тебѣ? сѣвъ въ кресло, спросилъ Яковъ Ивановичъ.

— Недѣли три, да я все не осмѣливался вамъ доложить. Фабрикантъ глубоко задумался.

— Ты, кажись, живешь въ домѣ покойнаго Василия Ивановича? внезапно спросилъ онъ у прикащика.

— Такъ точно-съ. Эвототъ домъ перешелъ ко мнѣ отъ Василия Ивановича по наслѣдству.

— А самъ онъ жилъ въ немъ когда-нибудь?

— Какъ-же-съ! Лѣтъ пять въ немъ изволилъ находиться.

Яковъ Ивановичъ потупилъ смуглое лицо свое и, малость поразмысливъ, сказалъ:

— Вотъ что: продай ты мнѣ этотъ домъ.

— Съ великимъ одолженіемъ-съ! Въ вашей волѣ находимся, отвѣчалъ прикащикъ.

— Нѣтъ, лучше я выстрою тебѣ новый двухъ-этажный домъ, а этотъ перенесу къ себѣ.

Прикащикъ опустился на колѣни и, отвѣсивъ Якову Ивановичу земной поклонъ, проговорилъ:

— Великій благодѣтель! мы ужъ и безъ того тебѣ многимъ обязаны.

Черезъ недѣлю и второй домикъ Ивана Васильевича былъ

разобранъ и перевезенъ на дворъ Якова Ивановича, а на мѣстѣ его воздвигнутъ новый двухъ-этажный, на каменномъ фундаментѣ, въ которомъ и до сего времени благодуетъ хитроумный его владѣлецъ.

Въ перенесенномъ же ветхомъ домикѣ покойнаго Грязнова Яковъ Ивановичъ поселилъ одного изъ своихъ юродивыхъ, именно Осипа Тимофеевича, который утверждаетъ, что ему каждую ночь мерещится покойный Василий Ивановичъ и бесѣдуетъ съ нимъ о суетѣ міра сего вообще и о гееннѣ огненной въ особенности. Разумѣется, всѣ эти бесѣды Осипъ Тимофеечъ слово въ слово передаетъ, каждое утро, своему патрону, Якову Ивановичу, а Яковъ Ивановичъ долгомъ считаетъ сообщать ихъ знакомымъ, почитателямъ покойнаго.

Такъ вотъ какія чудеса совершаются въ Лабзинскомъ посадѣ!

Начало смеркаться, когда я, осмотрѣвъ фабрику Якова Ивановича, возвращался чрезъ поле къ станціи желѣзной дороги, въ гостиницу, откуда, переодѣвшись, рассчитывалъ отправиться на рыбную ловлю. Вечеръ былъ тихій, но холодный; изъ-за далекаго лѣса надъ горизонтомъ медленно всплывала полная луна; въ небѣ сверкали звѣзды; издалика доносился свистокъ мчавшагося поѣзда; на посадской колокольнѣ раздались протяжные звуки сторожеваго колокола.

— Долгонько, сударь мой, гулять изволили! сказалъ мнѣ хозяинъ гостиницы, когда я вошелъ въ нее. — Признаться сказать, я за васъ побаивался.

— Что-жь со мной могло тутъ случиться худаго? возразилъ я.

— Мало ли что? У насъ порядкомъ стали пошаливать недобрые люди, ночью по полю-то хоть и не ходи,—какъ разъ оберутъ! Вчера, вотъ, часу въ девятомъ вечера, въ самомъ посадѣ, середѣ улицы, какого-то молодца ограбили.

— Чего же сторожа-то смотрять?